

Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве

© 2024

Корчагина Кристина Александровна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8770-1173>

Поступила в редакцию 09.08.2024

Принята к публикации 13.09.2024

Аннотация: В современной уголовно-процессуальной науке не вызывает сомнений тот факт, что прокурор и подчиненные ему сотрудники прокуратуры являются участниками уголовного судопроизводства. Отдельные дискуссии возникают лишь при обсуждении вопроса об отнесении прокурора к стороне обвинения. Вместе с тем роль и функции должностных лиц органов прокуратуры в производстве по уголовным делам не так очевидны и однозначны. Хотя ч. 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ закрепляет за прокурором функции надзора и уголовного преследования, не всегда руководители органов прокуратуры и подчиненные им сотрудники преследуют данные цели и не всегда должностные лица органов прокуратуры действуют в статусе прокурора или государственного обвинителя. Анализируя действующие нормы уголовно-процессуального законодательства и сопоставляя их с фактической правосубъектностью прокурорских сотрудников, вступающих в отношения с участниками уголовного судопроизводства, автор обосновывает вывод о необходимости разграничения двух принципиально различных правовых статусов должностных лиц органов прокуратуры: 1) должностной статус прокурора как руководителя органа прокуратуры, позволяющий ему осуществлять государственно-властные полномочия по надзору за органами предварительного расследования без принятия дополнительного процессуального статуса участника судопроизводства; 2) уголовно-процессуальный статус, приобретаемый должностным лицом органа прокуратуры, в т. ч. прокурором, на определенный период (этап, стадию) уголовного судопроизводства с целью осуществления одной из двух процессуальных функций – уголовного преследования (приобретает статус государственного обвинителя) либо правоохраны, защиты интересов человека, общества и государства (приобретает статус иного прокурора или представителя прокурора).

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; правовой статус; правосубъектность; прокурор; государственный обвинитель; иной прокурор; вышестоящий прокурор.

Для цитирования: Корчагина К.А. Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве // Jus strictum. 2024. № 3. С. 12–19. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-3-58-2.

ВВЕДЕНИЕ

Должностные лица органов прокуратуры являются активными участниками уголовного судопроизводства, что свидетельствует о наличии у них процессуальной правосубъектности. Включив прокурора как руководителя органа прокуратуры в группу участников стороны обвинения, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепил за ним два процессуальных статуса – прокурора и государственного обвинителя, и две процессуальные функции – надзора и уголовного преследования. Наличие указанных процессуальных статусов и функций признается большинством ученых, занимающихся данной проблематикой [1–4].

Наряду с этим в процессуальной науке высказано обоснованное мнение о выполнении прокурором иных процессуальных функций [5–7], а также о «появлении в уголовном процессе "новых", неизвестных действующему УПК РФ участников от органов прокуратуры, процессуальный статус которых выходит за рамки статуса прокурора и государственного обвинителя» [8]. В качестве таких новых участников авторы [8] называют вышестоящего прокурора и «иных прокуроров», осуществляющих свои полномочия в судебных заседаниях, не связанных с рассмотрением уголовного дела по су-

ществу обвинения, в связи с чем выделяют две подгруппы участников от органов прокуратуры, действующих в каждой части судопроизводства: в досудебном производстве – вышестоящий прокурор, прокурор и иной прокурор; в судебном производстве – прокурор и гособвинитель.

Действительно, обозначенные УПК РФ процессуальные статусы «прокурор» и «гособвинитель» не могут применяться к должностным лицам органов прокуратуры в отношениях, возникающих при судебном рассмотрении жалоб и ходатайств в порядке ст. 108, 125, 165 УПК РФ, в стадиях предварительного расследования и исполнения судебных решений. Не только закон предусматривает участие прокурора в указанных судебных заседаниях – ведомственные акты Генерального прокурора РФ также обязывают прокурора в них участвовать. Проблема в том, что ни УПК РФ, ни приказы Генерального прокурора не акцентируют внимания на вопросе, какие именно задачи решает прокурор в данных судебных заседаниях и какие функции он выполняет. Сложилась ситуация, при которой должностные лица органов прокуратуры вступают в судебное заседание в досудебном производстве либо в стадии исполнения приговора, не имея легального оформления своей правосубъектности.

Автором были поставлены следующие задачи:

1) проанализировать правовые основания правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве;

2) выявить и систематизировать существующие процессуальные статусы прокуроров в зависимости от выполняемых ими функций;

3) определить различия между должностной правосубъектностью прокуроров и их уголовно-процессуальной правосубъектностью;

4) разработать предложения по нормативно-правовому разграничению статусов прокурора и государственного обвинителя;

5) оценить необходимость введения новых процессуальных статусов для должностных лиц органов прокуратуры в законодательство.

Цель исследования – теоретико-правовой анализ правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом данного исследования являются правовые нормы, которые определяют правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, а именно правовой статус прокуроров и иных сотрудников прокуратуры на различных стадиях уголовного процесса.

Для исследования правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве был использован комплексный правовой анализ, включающий изучение нормативно-правовых актов и судебной практики, а также сравнительный анализ теоретических и практических подходов к данной проблематике. Исследование проводилось в несколько этапов:

1) анализ нормативных актов и уголовно-процессуальных норм. Были изучены основные положения УПК РФ, регулирующие процессуальный статус прокуроров и иных должностных лиц органов прокуратуры. Особое внимание было уделено положениям ст. 37 и 5 УПК РФ, касающимся правосубъектности прокурора на различных стадиях уголовного процесса;

2) сравнение теоретических и практических подходов. Исследовалась научная литература, посвященная процессуальным статусам должностных лиц прокуратуры. Проведен критический анализ теорий, представленных в научных работах (например, касающихся функций прокурора как обвинителя и надзирающего органа). Теоретические выводы были сопоставлены с действующим уголовно-процессуальным законодательством и судебной практикой;

3) определение правовых статусов должностных лиц органов прокуратуры. На основе анализа были выделены два ключевых правовых статуса: а) должностной статус прокурора как руководителя органа прокуратуры; б) уголовно-процессуальный статус, приобретенный на определенном этапе уголовного судопроизводства;

4) выявление функциональных различий. В ходе исследования были определены различия между процессуальными функциями, выполняемыми должностными лицами прокуратуры на различных стадиях уголовного судопроизводства. Эти различия были выявлены на основе анализа судебных актов и решений, принятых органами прокуратуры.

На каждом из этапов исследования анализировались действующие нормативно-правовые акты, проводилось сопоставление теоретических положений с реальной практикой, давалась оценка эффективности существующей системы регулирования правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Уголовно-процессуальный статус прокурора

Правовым основанием появления прокурора в качестве субъекта уголовно-процессуального права выступает ст. 37 УПК РФ, определяющая его как участника стороны обвинения, реализующего две процессуальные функции – уголовное преследование и процессуальный надзор за деятельностью органов расследования. Однако, определяя должностных лиц, уполномоченных на получение процессуального статуса прокурора, законодатель допускает противоречия, обозначая в ч. 5 ст. 37 УПК РФ, что процессуальный статус прокурора получают руководители органов прокуратуры и их заместители (назовем их «прокуроры-руководители»), а в п. 31 ст. 5 УПК РФ в качестве прокурора рассматриваются «иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре»¹ (назовем их «должностные лица органов прокуратуры»).

В последнем случае участие иных должностных лиц органов прокуратуры в уголовно-процессуальных отношениях в статусе прокурора, происходящее на основании Федерального закона № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре»), явно противоречит ч. 1 ст. 1 УПК РФ, закрепляющей, что «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации». Кроме того, расширительное толкование статуса «прокурор», а именно придание всем должностным лицам органов прокуратуры единых полномочий, предусмотренных ст. 37 УПК РФ, нивелирует функциональные различия в деятельности прокурора на разных стадиях судопроизводства и делает этого участника малопонятным для других субъектов уголовного процесса.

Из ст. 37 УПК РФ, определяющей прокурора как руководителя органа прокуратуры, очевидно, что именно на него возлагается функция надзора за деятельностью органов предварительного расследования. Но является ли данная функция прокурора уголовно-процессуальной, или она имеет иную правовую природу? В соответствии с Конституцией РФ и ФЗ «О прокуратуре» каждый вид прокурорского надзора характеризуется обособленной государственно-властной деятельностью, и все виды надзорной деятельности, в т. ч. надзор за органами расследования, направлены на достижение единой конституционно значимой цели – обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.05.2024) «О прокуратуре Российской Федерации».

охраняемых законом интересов общества и государства в той или иной сфере деятельности (ст. 129 Конституции РФ и ст. 1 ФЗ «О прокуратуре»). Универсальность и значимость прокурорского надзора показывают его самостоятельный, надотраслевой характер и доминирующее положение в отношениях с любыми поднадзорными органами, в т. ч. с органами предварительного расследования [9].

Надзирающий прокурор предметно и организационно дистанцирован от любого поднадзорного субъекта и осуществляемой им деятельности, и в этом качестве находится за пределами отраслевой поднадзорной сферы. Надзор прокурора – это всегда «взгляд со стороны» на деятельность поднадзорного субъекта с точки зрения соответствия ее действующему федеральному законодательству. Такой подход в организации прокурорского надзора придает объективность и непредвзятость прокурорской проверке. Следовательно, если предварительное расследование как процессуальная деятельность составляет предмет прокурорского надзора, то осуществляемый прокурором надзор не может составлять содержание этой же процессуальной деятельности. Прокурорский надзор внепроцессуален, так как исходит от прокурора, находящегося за рамками досудебного уголовного производства. В этом смысле функция прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования не является уголовно-процессуальной, а имеет межотраслевой государственно-властный характер. Именно поэтому прокурор для ее осуществления использует свой должностной статус прокурора, закрепленный ФЗ «О прокуратуре».

По другим видам надзора ситуация аналогична. Так, не относится к оперативно-розыскной деятельности надзор прокурора за деятельностью органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а надзор прокурора за деятельностью муниципальных или исполнительных органов власти не позволяет относить прокурорскую деятельность к муниципальной или исполнительно-властной. Не случайно с середины XX в. ученые указывали на правовую обособленность надзора, выделив в системе права отдельную отрасль прокурорского надзора, предмет которой составили особые государственно-властные отношения, возникающие при организации и деятельности прокуратуры [10; 11]. Такие отношения, как верно отмечено в работе [12], по своей природе являются отношениями политической организации общества, что принципиально расходится с правовой природой уголовно-процессуальных отношений.

Следующий аргумент, подтверждающий вывод о надотраслевом статусе прокурора, заключается в том, что прокурору для осуществления надзора за деятельностью органов предварительного расследования не требуется получения дополнительного отраслевого (правового либо процессуального) статуса. Полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве производны от замещаемой им должностной руководителя органа прокуратуры и охватываются его должностной правосубъектностью. Можно сказать, что должностная правосубъектность прокурора-руководителя заменяет его процессуальную правосубъектность. Именно поэтому в УПК РФ отсутствуют основания как для получения прокурором процессуального статуса, так и для его прекращения. Соответственно, прокурор, осуществ-

ляющий надзор за процессуальной деятельностью органов расследования, выступает не как участник уголовного судопроизводства (субъект уголовно-процессуального права), а как должностное лицо, обладающее государственно-властными и организационно-распорядительными полномочиями в отношении любого поднадзорного субъекта, действующего в уголовном досудебном производстве.

Участие прокурора в качестве надзирающего субъекта в отношениях с органами расследования обеспечивается его должностной правосубъектностью и территориальной юрисдикцией, которые постоянны и универсальны в течение всего срока замещения должности прокурора. В этом смысле ст. 37 УПК РФ «Прокурор» в части надзорных полномочий прокурора должна быть выведена за пределы гл. 6 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» и переименована в «Полномочия надзирающего прокурора», что раскрывало бы функциональную направленность деятельности прокурора в уголовном процессе в соответствии со ст. 129 Конституции РФ и ст. 29 и 30 ФЗ «О прокуратуре».

Сегодня прокурорский надзор – «базовая и профильная функция» современной российской прокуратуры [13], имеющая конституционно-правовое признание, а после конституционных изменений 2020 г. и важное политическое значение, что отмечается в работах авторитетных ученых: «Прокуратура РФ фактически стала инструментом так называемой "президентской власти"» [14]. В таком качестве роль прокурора значима и равноценна во всех сферах общественной жизни, в т. ч. в части надзора за органами предварительного расследования.

Помимо надзора за деятельностью органов расследования, на прокурора-руководителя в соответствии с ч. 1 ст. 21 и ст. 37 УПК РФ возложена функция уголовного преследования (обвинения). Допускаемые законодателем терминологические различия в использовании понятий «обвинение» и «уголовное преследование» вносят путаницу не только в функциональную характеристику уголовного процесса, но и в содержание процессуальных статусов субъектов уголовно-процессуального права, осуществляющих обвинительную деятельность. Тем не менее, в отличие от прокурорского надзора, функция обвинения или уголовного преследования осуществляется любым должностным лицом органа прокуратуры, в т. ч. прокурором-руководителем, получающим статус государственного обвинителя [15].

Проблемы процессуального статуса государственного обвинителя

Государственный обвинитель обозначен в п. 6 ст. 5 УПК РФ как «поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры», что показывает его особый статус и характеризует в качестве участника уголовного судопроизводства и субъекта уголовно-процессуального права. Наименование данного лица «государственный обвинитель» и сфера его деятельности уникальны в том смысле, что как субъект права он существует только в рамках уголовно-процессуальных отношений, хотя должностной статус сотрудника органа прокуратуры действует и вне рамок уголовного судопроизводства. В связи с этим можно сделать вывод, что статус

государственного обвинителя является для должностного лица органа прокуратуры временным, приобретаемым исключительно для осуществления функции уголовного преследования (обвинения) по конкретному уголовному делу.

Учитывая, что реализация обвинительной функции требует значительных кадровых ресурсов, законодатель в п. 6 ст. 5 УПК РФ закрепил широкий круг должностных лиц органов прокуратуры, уполномоченных на получение уголовно-процессуального статуса государственного обвинителя. Проблема, однако, в том, что эти же должностные лица указываются в п. 31 ст. 5 УПК РФ, но уже в статусе «прокурора», вступая тем самым в противоречие со ст. 37 УПК РФ. Такая двойственность в наименовании государственных обвинителей привела к тому, что в тексте УПК РФ вместо государственного обвинителя довольно часто можно встретить термин «прокурор» (например, в ст. 246 УПК РФ). Прокурор, как и другое должностное лицо органа прокуратуры, при осуществлении полномочий государственного обвинителя теряет свои государственно-властные полномочия и участвует в судебном заседании в условиях состязательности и равноправия со стороной защиты. Это означает, что при поддержании государственного обвинения в судебном разбирательстве уголовного дела публичного и частно-публичного обвинения, процессуальная правосубъектность государственного обвинителя поглощает его должностную правосубъектность.

Несмотря на значимость государственного обвинителя в достижении целей уголовного судопроизводства [16], правовое оформление его процессуального статуса в УПК РФ вызывает ряд вопросов.

Первая проблема вызвана отсутствием в УПК РФ законодательно установленных оснований и порядка приобретения статуса государственного обвинителя, наличие которых обязательно, если учитывать временный характер данного статуса. В УПК РФ закрепляется лишь обязательное участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве (ч. 2 ст. 246), что позволяет сделать вывод о том, что деятельность государственного обвинителя ограничивается исключительно рамками судебного разбирательства, при этом под судебным разбирательством согласно п. 51 ст. 5 УПК РФ понимаются «судебные заседания судов первой, второй, кассационной и надзорной инстанций». Государственный обвинитель вступает в уголовный процесс в начале судебного разбирательства уголовного дела в первой инстанции, а если быть точнее – в подготовительной части судебного заседания, так как согласно ч. 1 ст. 266 УПК РФ председательствующий открывает судебное заседание и объявляет, в каком составе уголовное дело подлежит разбирательству. Именно на этом этапе возникает данный субъект, и другие участники судебного разбирательства получают сведения о государственном обвинителе.

Несколько больше информации о гособвинителе можно найти в ведомственных актах Генерального прокурора РФ, согласно которым «прокуроры должны назначать государственных обвинителей из числа подчиненных сотрудников заблаговременно, посредством составления в письменной форме поручения о поддержании обвинения, при этом исключать возможность

выбора ими уголовных дел»². Процессуальное значение такого поручения ничтожно, так как УПК РФ не предусматривает его вынесения, оно имеет ведомственный оперативно-служебный характер. Полагаем целесообразным придать поручению прокурора процессуальный характер и рассматривать его по аналогии с ордером адвоката, который предъявляется при вступлении в производство по уголовному делу (ч. 4 ст. 49 УПК РФ). Возможен и другой вариант процессуальной аналогии, например вынесение государственным обвинителем акта о принятии поручения прокурора. В этом случае поручение прокурора остается оперативно-служебным документом, а в суд направляется акт, подписанный государственным обвинителем.

Еще одна проблема связана с определением момента появления государственного обвинителя. Учитывая требование Генерального прокурора РФ о заблаговременном назначении государственных обвинителей для подготовки к судебному разбирательству, целесообразно закрепить в законе требование об обязательности вынесения прокурором решения о назначении гособвинителя по уголовному делу одновременно с утверждением им обвинительного заключения (акта, постановления). Определение момента вступления в судопроизводство одного из основных участников важно не только для суда, но и для участников сторон обвинения и защиты, у которых еще до начала судебного разбирательства появляется возможность при наличии соответствующих оснований реализовать право на отвод государственного обвинителя.

Во-вторых, остается непонятным момент окончания процессуальной правосубъектности государственного обвинителя. Исходя из многоуровневой, но централизованной системы органов прокуратуры, по большинству уголовных дел правосубъектность гособвинителя завершается принесением апелляционного представления в суд первой инстанции. Хотя ст. 389.12 УПК РФ предусматривает участие государственного обвинителя в судебном заседании суда апелляционной инстанции, Приказ Генерального прокурора РФ № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» устанавливает, что участие государственного обвинителя в апелляционном производстве ограничивается лишь районными судами (п. 10), в остальных апелляционных судах обвинения поддерживают должностные лица органов прокуратуры соответствующего уровня без указания на необходимость получения ими статуса государственного обвинителя.

В целом содержание Приказа № 376 дает основания полагать, что в судебном разбирательстве апелляционного, кассационного и надзорного производства участвуют не государственные обвинители, что предусмотрено УПК РФ, а иные прокуроры, статус которых не имеет четкого процессуального контура. Позволим себе согласиться с данной трактовкой лишь частично. В апелляционной инстанции участие должностного лица органа прокуратуры связано с продолжением уголовного преследования, что вызывает необходимость приобретения должностным лицом статуса государственного обвинителя. В после-

² Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

дующих судебных стадиях значимость обвинительных целей нивелируется: приговор вступил в законную силу и обращен к исполнению. Соответственно, перед должностным лицом органа прокуратуры, участвующим в кассационном или надзорном пересмотре судебного решения, возникают иные цели и задачи, как правило, связанные с оценкой законности вынесенных судебных решений.

Следующая проблема вызвана неопределенностью количественного состава данного участника уголовного судопроизводства. Согласно ч. 4 ст. 246 УПК РФ, государственный обвинитель может быть как индивидуальным, так и коллективным субъектом, при этом что понимается под коллективной формой участия обвинителей, закон не разъясняет. Остаются без ответа и другие вопросы, требующие нормативного регулирования: обязательно ли в судебном заседании участие всех включенных в группу государственных обвинителей либо их участие может быть поочередным; может ли количество гособвинителей превышать количество защитников подсудимого; как распределяются процессуальные полномочия между руководителем и участниками группы гособвинителей и т. д.

Не меньше сложностей с определением процессуальной самостоятельности государственного обвинителя и определением его полномочий, составляющих процессуальный статус: с одной стороны, в уголовном судопроизводстве гособвинитель выступает как самостоятельный участник, с другой стороны, находясь в отношениях жесткой централизации и субординации со своим руководителем – вышестоящим прокурором, он обязан осуществлять свои полномочия в пределах возложенного поручения. Насколько эти особенности могут быть отражены в уголовно-процессуальном законодательстве – вопрос дискуссионный, требующий отдельного изучения и научного обоснования. Но то, что процессуальный статус государственного обвинителя должен получить свое полное и однозначное закрепление в УПК РФ, на наш взгляд, не вызывает сомнения.

Иной прокурор как субъект уголовно-процессуального права

Осуществление прокурором надзорных полномочий в уголовно-процессуальной сфере на основе своей должностной правосубъектности не означает, что прокурор не обладает уголовно-процессуальной правосубъектностью. В УПК РФ предусмотрен ряд полномочий прокурора, отнести которые к надзорной функции или функции уголовного преследования объективно невозможно. Например, п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ закрепляет полномочия прокурора на участие в судебных заседаниях в ходе досудебного производства, например при рассмотрении вопроса о применении меры пресечения. Помимо досудебного производства, участие прокурора обязательно в стадии исполнения приговора при рассмотрении вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ, а также в судебном рассмотрении запросов о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора. Прокурор, участвуя в данных судебных заседаниях либо поручая участие подчиненному сотруднику, осуществляет полномочия, которые явно выходят за пределы функций прокурорского надзора и уголовного преследования. Возникает вопрос: какие цели и задачи стоят перед должностным лицом

органа прокуратуры в рамках обозначенных судебных заседаний и в каком статусе он в них участвует?

Прежде чем ответить на данный вопрос, отметим, что в указанных случаях под прокурорами понимается широкий перечень должностных лиц. Мы полагаем, что с учетом именно этой процессуальной роли определение понятия «прокурор» дано в п. 31 ст. 5 УПК РФ, включающем прокуроров всех уровней, их заместителей и «иных должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве и наделенных соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре». Вместе с тем в приказах Генерального прокурора³ наряду с прокурорами, участвующими в судебных разбирательствах по рассмотрению уголовных дел, выделяются также прокуроры, участвующие в судебных заседаниях, не связанных с осуществлением уголовного преследования. В первом случае речь идет о государственных обвинителях, во втором должностные лица обозначаются как «иные прокуроры».

Отличия между должностными лицами органов прокуратуры, замещающими различные процессуальные статусы, заключаются прежде всего в выполняемых ими процессуальных функциях. Иные прокуроры, участвуя в судебных заседаниях, осуществляют собственную функцию, не связанную ни с процессуальным надзором за органами расследования, ни с обвинением или уголовным преследованием. Их функция не связана с уголовным преследованием, так как предмет судебных заседаний не связан с обвинением лица. Полностью исключается и функция процессуального надзора, так как на основании ст. 37 УПК РФ прокурорский надзор осуществляется исключительно за органами предварительного расследования.

К сожалению, процессуальный статус иного прокурора не обозначен в УПК РФ, хотя именно он должен стать основой для формирования уголовно-процессуальной правосубъектности данного участника. Отсутствует как процессуальное наименование участника, так и порядок приобретения и прекращения процессуальной правосубъектности, нет ясности и в его целях и задачах. Для решения этих вопросов первоначально следует определиться с процессуальной функцией, которую осуществляет иной прокурор в судебных заседаниях, проводимых в ходе досудебного производства либо в стадии исполнения судебного решения. Мы полагаем, что в данном случае целесообразно говорить об осуществлении им правоохранной функции, обеспечивающей защиту прав и интересов как отдельного участника уголовного судопроизводства, так и общества и государства в целом.

Вышестоящий прокурор

Еще одно лицо, вступающее в отношения с участниками уголовного судопроизводства от имени органов прокуратуры, обозначено в УПК РФ как «вышестоящий

³ Приказы Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»; от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»; от 27.11.2007 № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» и др.

прокурор». В тексте Кодекса данный субъект упоминается восемнадцать раз в двух контекстах, а именно как:

1) руководитель надзирающего прокурора (ч. 5 ст. 37, ч. 4 ст. 41, ч. 1 ст. 66 УПК РФ и др.);

2) руководитель государственного обвинителя (ч. 2 ст. 258, ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ).

В этой связи в уголовно-процессуальной науке признается, что «употребление в законе понятия "вышестоящий прокурор" относится не только к руководителю соответствующей прокуратуры, но и к любому оперативному работнику аппарата данной прокуратуры» [15]. Как и надзирающий прокурор, вышестоящий прокурор вступает в отношения с участниками уголовного судопроизводства на основе своей должностной правосубъектности, что выводит его из круга субъектов уголовно-процессуального права. Исключение составляет ст. 389.1 УПК РФ, когда вышестоящий прокурор приносит апелляционное представление и вступает в апелляционное производство в качестве государственного обвинителя, участника судебного заседания по апелляционному пересмотру уголовного дела.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате исследования было установлено, что должностные лица органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве обладают двумя основными правовыми статусами: должностным и уголовно-процессуальным. Должностной статус позволяет им осуществлять государственно-властные функции по надзору за органами предварительного расследования, в то время как уголовно-процессуальный статус приобретает на определенных стадиях судопроизводства для выполнения функций государственного обвинения или защиты интересов государства и общества.

Анализ показал, что действующее законодательство недостаточно четко разграничивает эти статусы, что приводит к правовой неопределенности в полномочиях и функциях прокуроров на разных этапах процесса судопроизводства. Это затрудняет их эффективную работу в рамках уголовного судопроизводства. В связи с этим автор предлагает внести изменения в законодательство, которые позволят более точно определить и разграничить правовые статусы и функции должностных лиц органов прокуратуры, что, в свою очередь, повысит их процессуальную эффективность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенному анализу правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры, отметим, что закрепленное в УПК РФ правовое положение участника уголовного судопроизводства прокурора допускает неоправданное слияние и смешение различных непроцессуальных и процессуальных статусов должностных лиц органов прокуратуры, что мешает эффективной организации их деятельности. Возложение на одного участника различных, отчасти противоречивых функций и полномочий, позиционирующих прокурора, с одной стороны, как властного надзирающего субъекта, а с другой – как участника, не обладающего государственно-властными полномочиями, искажает суть государственной надзорной деятельности и не по-

зволяет увидеть истинную сущность деятельности прокурора в судебных заседаниях. Решение проблемы мы видим в законодательном разграничении и правовой регламентации двух видов правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры:

1) правосубъектность руководителя органа прокуратуры, в т. ч. вышестоящего прокурора, вступающего в отношения с участниками уголовного судопроизводства на основе своего должностного статуса и обладающего государственно-властными полномочиями в отношении подчиненных сотрудников и поднадзорных субъектов (органов предварительного расследования);

2) уголовно-процессуальная правосубъектность должностного лица органа прокуратуры, приобретаемая им на определенный период (этап, стадию) уголовного судопроизводства с целью осуществления одной из двух процессуальных функций – уголовного преследования либо правоохраны:

а) участник, обеспечивающий функцию уголовного преследования (обвинения), получает уголовно-процессуальный статус «государственного обвинителя»;

б) участник, обеспечивающий функцию правоохраны, получает уголовно-процессуальный статус «иног прокурора» (либо «представителя прокурора»).

Потребность в данных участниках уголовного судопроизводства и осуществляемых ими процессуальных функциях очевидна. При совершенствовании уголовно-процессуального законодательства они должны получить надлежащее правовое оформление в качестве субъектов уголовно-процессуального права с необходимым объемом процессуальной правосубъектности, достаточной для эффективного исполнения возложенных на них полномочий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трухачев В.В., Ахмедов У.Н. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве и их отражение в процессуальном статусе прокурора // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 195–202. EDN: [SFYNOH](#).
2. Манова Н.С. Модель деятельности прокурора в уголовном процессе: ключевые проблемы и возможности реформы // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 2. С. 43–50. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.6](#).
3. Амирбеков К.И. Полномочия прокурора по уголовному преследованию в судебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 6. С. 25–32. EDN: [HZBZKK](#).
4. Чурикова А.Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе. М.: Триумф, 2022. 285 с.
5. Гальченко А.И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // Lex russica (Русский закон). 2014. Т. 96. № 11. С. 1346–1359. EDN: [TCRHOP](#).
6. Камчатова К.В., Тимошенко А.А. Деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве: оценка эффективности // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 29–33. EDN: [ZQLUAH](#).
7. Татьяна Л.Г. Виды деятельности прокурора в уголовном процессе России // Вестник Сибирского

- юридического института МВД России. 2010. № 3. С. 30–33. EDN: [QHXXQT](#).
8. Лазарева В.А., Вершинина С.И. О процессуальном статусе должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 2. С. 51–59. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.7](#).
 9. Апостолова Н.Н. Прокурорский надзор и предварительное следствие как гарантии обеспечения прав и свобод личности // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 53–56. EDN: [YFPXUR](#).
 10. Шобухин В.Ю. Прокурорское право – отрасль российского права // Законность. 2009. № 7. С. 43–45. EDN: [KXFMFT](#).
 11. Биктагиров Р.Т. Институт прокуратуры в механизме российского государства // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 2-3. С. 143–158. EDN: [ZSGZYL](#).
 12. Березовская С.Г. Сущность и основные характеристики правовых отношений в сфере прокурорского надзора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 3. С. 122–131. EDN: [OLPYUO](#).
 13. Рябцев В.П., Алексеев А.И., Бессарабов В.Г. Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 3. С. 202–211. EDN: [WURYMG](#).
 14. Винокуров А.Ю. Поправки к Конституции Российской Федерации в контексте закрепления статусных положений о прокуратуре // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 31–34. EDN: [LGJUEQ](#).
 15. Крюков В.Ф. Уголовное преследование в судебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. Курск, 2010. 411 с.
 16. Спесивов Н.В. Проблемы реализации прокурором функции уголовного преследования // Законность. 2024. № 2. С. 13–17. EDN: [LPFFYY](#).
 4. Churikova A.Yu. *Pravovaya model deyatelnosti prokurora v rossiyskom i zarubezhnom ugolovnom protsesse* [The Legal Model of the Prosecutor's Activity in the Russian and Foreign Fishing Process]. Moscow, Triumph Publ., 2022. 285 p.
 5. Galchenko A.I. Functions of the procuracy of the Russian Federation: disputable issues. *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2014, vol. 96, no. 11, pp. 1346–1359. EDN: [TCRHOP](#).
 6. Kamchatov K.V., Timoshenko A.A. The activities of the prosecutor in criminal proceedings: assessment of effectiveness. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2017, no. 11, pp. 29–33. EDN: [ZQLUAH](#).
 7. Tatyana L.G. Activities of the prosecutor in the criminal process of Russia. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2010, no. 3, pp. 30–33. EDN: [QHXXQT](#).
 8. Lazareva V.A., Vershinina S.I. On the procedural status of officials of the prosecutor's office participating in criminal proceedings. *Pravovaya paradijma*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 51–59. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.7](#).
 9. Apostolova N.N. Public prosecutor's supervision and preliminary investigation as a guarantee of the rights and freedoms of the individual. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2017, no. 3, pp. 53–56. EDN: [YFPXUR](#).
 10. Shobukhin V.Yu. Prosecution law – branch of the Russian law. *Zakonnost*, 2009, no. 7, pp. 43–45. EDN: [KXFMFT](#).
 11. Biktairov R.T. Public prosecution institution in the mechanism of the Russian state. *Grazhdanin. Vybyry. Vlast*, 2016, no. 2-3, pp. 143–158. EDN: [ZSGZYL](#).
 12. Berzovskaya S.G. Essence and main characteristics of legal relations in the sphere of procuracy supervision. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2023, no. 3, pp. 122–131. EDN: [OLPYUO](#).
 13. Ryabtsev V.P., Alekseev A.I., Bessarabov V.G. The role and place of the prosecutor's office in the system of state institutions of the Russian Federation. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2023, no. 3, pp. 202–211. EDN: [WURYMG](#).
 14. Vinokurov A.Yu. Amendments to the Constitution of the Russian Federation within the framework of consolidation of status provisions on the prosecutor's office. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2021, no. 4, pp. 31–34. EDN: [LGJUEQ](#).
 15. Kryukov V.F. *Ugolovnoe presledovanie v sudebnom proizvodstve: ugolovno-protsessualnye i nadzornye aspekty deyatelnosti prokurora* [Criminal prosecution in judicial proceedings: criminal procedural and supervisory aspects of the prosecutor's activities]. Kursk, 2010. 411 p.
 16. Spesivov N.V. Problems of implementation by the prosecutor of the function of criminal prosecution. *Zakonnost*, 2024, no. 2, pp. 13–17. EDN: [LPFFYY](#).

REFERENCES

1. Trukhachev V.V., Akhmedov U.N. Functions and the prosecutors powers in criminal proceedings and their reflection in the procedural status of the prosecutor. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 1, pp. 195–202. EDN: [SFYNOH](#).
2. Manova N.S. The model of the prosecutor's activities in criminal proceedings: key challenges and opportunities for reform. *Pravovaya paradijma*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 43–50. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.6](#).
3. Amirbekov K.I. The powers of the prosecutor to prosecute in the judicial stages of criminal proceedings. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2021, no. 6, pp. 25–32. EDN: [HZBZKK](#).

Legal personality of officials of the prosecution authorities in criminal proceedings

© 2024

Kristina A. Korchagina, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8770-1173>

Received 09.08.2024

Accepted 13.09.2024

Abstract: In modern criminal procedural science, there is no doubt that the prosecutor and subordinate prosecution officers are participants in criminal proceedings. Separate disputes arise only when discussing the issue of classifying the prosecutor as a party to the prosecution. At the same time, the role and functions of officials of the prosecution authorities in criminal proceedings are not so obvious and unambiguous. Although Part 1 of Article 37 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation assigns the functions of supervision and criminal prosecution to the prosecutor, the heads of the prosecution authorities and the employees subordinate to them do not always pursue these goals, and officials of the prosecution authorities do not always act in the status of a prosecutor or public prosecutor. Analyzing the current norms of criminal procedural legislation and comparing them with the actual legal personality of prosecutorial employees entering into relations with participants in criminal proceedings, the author substantiates the conclusion about the necessity to distinguish between two fundamentally different legal statuses of the prosecution officials. The first one is the official status of the prosecutor as the head of the prosecution authority, allowing him to exercise state powers to supervise the preliminary investigation bodies without accepting the additional procedural status of a participant in legal proceedings. The second one is the criminal procedural status acquired by an official of the prosecution authority, including a prosecutor, for a certain period (stage, phase) of criminal proceedings to carry out one of two procedural functions – criminal prosecution (acquires the status of a public prosecutor) or law enforcement function, protection of the interests of an individual, society and the state (acquires the status of other prosecutor or a prosecutor representative).

Keywords: criminal procedure; criminal proceedings; legal status; legal personality; prosecutor; public prosecutor; other prosecutor; higher-level prosecutor.

For citation: Korchagina K.A. Legal personality of officials of the prosecution authorities in criminal proceedings. *Jus strictum*, 2024, no. 3, pp. 12–19. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-3-58-2.